

В.В. НАБОКОВ И Ф.И. ТЮТЧЕВ: ДВОЙНОЕ БЫТИЕ

Г.Г. Арутюнов, Е.В. Латыева, Н.Е. Назарова

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. 119 454, Россия, г. Москва, проспект Вернадского, 76)



В статье предпринята попытка найти точки соприкосновения художественных систем, разделённых столетием, – лирики русского поэта-философа Ф.И. Тютчева и прозы выдающегося русско-американского писателя В.В. Набокова. В первой части статьи рассматриваются взгляды отечественных и зарубежных исследователей на своеобразную набоковскую эстетическую систему. Набоковым не написано специальной статьи и не опубликовано ни одной лекции, посвящённой лирике Тютчева, хотя он многократно обращался к творчеству поэта. В частности, в своей преподавательской деятельности в Америке он использовал собственные прекрасные переводы на английский язык тютчевских стихотворений. В статье показано общее для обоих авторов восприятие жизни природы и человека. Внутренняя близость Набокова и Тютчева проявляется не столько в их высказываниях, сколько опосредованно. Это:

- *и признание в книге Набокова «Другие берега» («Пушкин и Толстой, Тютчев и Гоголь встали по четырём углам моего мира»);*
- *и подчёркнутая интертекстуальность прозы автора с конкретными тютчевскими реминисценциями, иногда эпатажно-каламбурными (рассказ «Облако, озеро, башня»);*
- *и сосредоточенность на мотивах памяти, дара, бездны (в шеллингианском понимании);*
- *и использование Набоковым ключевой оппозиции «сон – хаос», которая пронизывает всю лирику Тютчева.*

Вторая часть статьи посвящена анализу поэзии Тютчева в свете исследований русских философов и литературоведов. В статье отмечается малоизвестный факт того, что Набоков и Тютчев находились в отношениях своячества. В какой точке пересеклись родственные связи двух великих мастеров слова, можно узнать, прочитав статью.

Ключевые слова: В.В. Набоков, Ф.И. Тютчев, «хаос», модель «двойного бытия», аллюзии, автореминисценции, интертекстуальность, сверхтекстовое единство, мотив памяти, литературная игра

В.В. Набоков:
«Тютчев – ключ, струящийся во мгле»

В 2019 г. исполняется 120 лет со дня рождения Владимира Владимировича Набокова. Каждый год набоковиана пополняется новыми исследованиями, в которых учёные пытаются подобрать ключ к эстетической системе писателя, так как его произведения не перестают привлекать читателей. В 1991 г. в издательстве Принстонского университета вышла книга профессора русской литературы и заведующего отделом славянских литератур Йельского университета В.Е. Александрова под названием «Nabokov's Otherworld» (в 1999 г. переведена на русский язык Н.А. Анастасьевым под названием «Набоков и потусторонность»).

Во введении автор чётко сформулировал цель своей работы – «показать, что основу набоковского творчества составляет эстетическая система, вырастающая из интуитивных прозрений трансцендентальных измерений бытия» [Александров, 1999:7]. Критик Б.В. Аверин считает, что ключ к эстетической системе сформулирован писателем в «Лекциях по русской литературе»: «Одна из главных мыслей в лекциях – мысль об иррациональной основе мира и искусства, которое эту иррациональность рационально осмысляет. Ещё в книге о Гоголе Набоков писал: "...Под поэзией я понимаю тайны иррационального, познаваемые при помощи рациональной речи"» [Аверин, 1997: 856].

Книгу о своей жизни В.В. Набоков переписывал трижды. Сначала на английском языке появилось «Убедительное доказательство» («Conclusive Evidence», 1951 г.). Затем В.В. Набоков сделал ав-

топеревод на русский язык и в 1953 г. вышла книга, которая уже называлась «Другие берега». Последний доработанный вариант «Speak, Memory» («Память, говори») был опубликован в 1966 г. на английском языке. Г.А. Левинтон в статье «The Importance of Being Russian, или Les allusions perdues» анализирует работу Локрантц (Lokrantz), посвящённую своеобразию стиля Набокова. В статье говорится о том, что автобиография, а особенно английский её вариант, имеет важное значение для понимания метаромана Набокова.

«Это – главная книга всего корпуса, основной автокомментарий ко всем романам, которые благодаря ему выстраиваются в определённый ряд (показательно, что именно в автобиографии содержатся и авторские признания о своём "методе"). Этот же принцип, который организует в единый текст стихи и прозу Мандельштама, Ахматовой и, вероятно, других поэтов (например, Тютчева) – принцип отсылок, неявных контекстных связей, "перекличек", автоцитат, рассчитанный на внимательного читателя...» [Левинтон, 1997: 322].

В романе «Transparent things» «Набоков дал ключ к тайне своего художественного метода: писатель берёт на себя роль небесного шифровальщика». Учёный также считает, что в творчестве Набокова можно выделить «истинно тютчевскую оппозицию "сон-хаос"» [Арьев, 2001:179]. Попробуем определить место Тютчева в художественном мире Набокова. В «Других берегах» В.В. Набоков сделал важное признание: «Пушкин и Толстой, Тютчев и Гоголь встали по четырём углам моего мира» [Набоков, 1990:277]. В.В. Набоков и Ф.И. Тютчев были дальними родственниками, точнее свойственниками¹. Не-

¹ Малоизвестный факт родства Набоковых по отцовской линии с Ф.И. Тютчевым (его тётка была замужем за сыном пасынком Тютчева) упоминается весьма лаконично в «Других берегах»: «Наталья была за Петерсоном» [Набоков, 1990, т.4, 162]. Поясним: родная сестра Владимира Дмитриевича Набокова (отца писателя) Наталья Дмитриевна была замужем за Иваном Карловичем де Петерсоном, первым секретарём русского посольства в Брюсселе. Иван Карлович де Петерсон – внук Элеоноры Тютчевой от старшего сына Карла (1819 – 1875). Вдова русского дипломата Элеонора Петерсон, урождённая графиня фон Ботмер, вышла замуж за Ф.И. Тютчева в 1826 г. и русский поэт и дипломат стал приёмным отцом четверым её детям.

ужели Набоков не знал о своем родстве с Ф.И. Тютчевым? Это выглядит крайне странным, так как, рассказывая о своём роде, он не без гордости пишет о том, что «воистину замечательны обилие и разнообразие соприкосновений пращуров моих с миром литературы» [Набоков, 1999: 361].

Несомненно, что В.В. Набоков хорошо знал и любил творчество Ф.И. Тютчева. Во многих произведениях писателя: романах, статьях, в комментариях к переведенному им на английский язык роману Пушкина «Евгений Онегин» – можно обнаружить аллюзии и реминисценции, напоминающие о лирических шедеврах поэта. Тем не менее какие-либо специальные статьи Набокова, посвящённые творчеству Тютчева и содержащие анализ его произведений, исследователям неизвестны. Хотя в знаменитой книге В.В. Набокова «Лекции по русской литературе» есть разделы о творчестве Л.Н. Толстого и Н. В. Гоголя, несколько статей («Пушкин, или Правда и правдоподобие», «Искусство перевода», «Заметки переводчика», «Заметки переводчика II») написаны в связи с переводом романа Пушкина.

Существуют также свидетельства, подтверждающие, что, например, на занятиях в Уэлслейском колледже В.В. Набоков рассказывал американским студентам о Тютчеве. Одна из студенток, Ханна Грин, написала небольшую статью о «мистере Набокове», который преподавал русский язык и читал общий курс русской литературы в конце Второй мировой войны. «Мистер Набоков говорил о великом лирическом поэте Тютчеве, которого забыли на многие десятилетия из-за его консервативных политических убеждений <...>, но который видел сам и умел заставить своих читателей видеть “тусклым сияньем облитое море”. Мистер Набоков говорил о блистательном и до мозга костей русском гении Тютчева» [Грин, 1997: 210].

В седьмой главе книги «Владимир Набоков: американские годы», которая называется «Преподаватель русской литературы: Корнель, 1948-1950», Брайан

Бойд пишет о том, что Набоков вел семинар «Русская поэзия, 1870-1925 годы». Одно из основных направлений: Тютчев – Фет – Блок. В девятой главе этой книги биограф рассказывает о том, как в первом семестре 1950-1951 учебного года В.В. Набоков проводил в Корнельском университете семинар «Модернистское движение в русской литературе». На занятиях он разбирал произведения Ф.И. Тютчева.

В 1952 г. В.В. Набоков начинает преподавать русскую литературу в должности внештатного лектора по славянским языкам и литературе в Гарварде. Он ведёт курс модернизма, в котором разбирает произведения Некрасова, Фета, Достоевского, Толстого, Чехова, Блока, Ходасевича и Маяковского, и в их числе Тютчева. В биографии «Владимир Набоков: американские годы», написанной Брайаном Бойдом, упоминается о том, что В.В. Набоков переводил на английский язык стихотворения А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, а также лирику Ф.И. Тютчева. В апреле 1941 г. переводы необходимы были для лекции в Стэнфорде; а в начале 1942 года В.В. Набоков прочёл публичную лекцию о поэзии Тютчева. Но о текстах этих лекций на русском или в переводе на английский язык тоже ничего не известно. Можно предположить, что если бы в научном обороте присутствовал написанный Набоковым текст лекций о Тютчеве, то для специалистов стали бы, наверное, более «прозрачны» многие приёмы, которые он использовал в своем творчестве.

Как пишет Брайан Бойд, «в конце концов мода на Россию всё-таки дала ему возможность заработать. В середине мая 1942 г. к Набокову приехал Джеймс Лохлин и заказал целый том стихотворных переводов Пушкина и Тютчева, а также литературоведческую работу о Гоголе в 200 страниц» [Бойд, 2010:56]. В течение 1943 г. Набоков занимался переводами в свободное от преподавания время, а в 1944 г. уже вышла книга Vladimir Nabokov «Three Russian poets (Pushkin, Lermontov, Tyutchev)» (Norfolk, Conn: New Direction, 1944). Сохранилась аудиозапись: В.В. На-

боков читает стихотворение «Silentium» на английском языке².

В одном из интервью (1963) Оливер Тоффлер спросил В.В. Набокова, что он читал в детстве. Писатель назвал Пушкина, Толстого, Чехова, Блока, Бергсона, Джойса, Пруста и других авторов, но, примечательно, что имя Тютчева названо не было. Обратимся к тем идеям Ф.И. Тютчева, которые, как нам представляется, повлияли на мировоззрение юного Владимира Набокова и сформировали некоторые особенности его художественного мира.

Свою творческую деятельность В.В. Набоков начал в качестве поэта под псевдонимом В. Сирин. В «Дневнике» Александра Бенуа, русского художника и основателя объединения «Мир искусства», который был дружен с семьей Набоковых, сохранилась запись от 28 октября 1916 года: «Обедаем у Набоковых с Аргутинским. <...> Володя читал свои стихи. Удивительно талантливые. И всё же в нём не чую истинного поэта. Уж больно он насыщен «буржуазной» культурой, хоть и позирует теперь слегка на художественного *debraille*»³ [Бенуа, 2006: 27].

В начале 1920-х гг. художественный стиль Владимира Набокова только формировался, но уже определились его литературные предпочтения. В 1923 г. в Берлине в издательстве «Гамаюн» вышел сборник его стихотворений под названием «Гроздь». Книга была посвящена памяти отца, Владимира Дмитриевича Набокова, который трагически погиб в Берлине в 1922 г. во время покушения на лидера конституционно-демократической партии Петра Николаевича Милюкова. Метафорическое восприятие молодым автором поэзии своих предшественников ярко отразилось в стихотворении «На смерть А. Блока», в котором рефреном звучат имена великих русских поэтов: Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Фета. Набоков изображает поэтов в раю:

Пушкин – радуга по всей земле,
Лермонтов – путь млечный над горами,
Тютчев – ключ, струящийся во мгле,
Фет – румяный луч во храме.

<...>

Пушкин – выпуклый и пышный свет,
Лермонтов – в венке из звезд прекрасных,

Тютчев – веющий росой, и Фет,
в ризе тонкой, в розах красных.

<...>

И о солнце Пушкин запоёт,
Лермонтов – о звёздах над горами,
Тютчев – о сверканьи звонких вод,
Фет – о розах в вечном храме [Набоков, 1997:179].

Молодой Набоков воспринимает поэзию Тютчева как нечто движущееся, освежающее, излучающее свет («сверканье») и в то же время «струящееся во мгле». Уже в этом образе автор улавливает ключевую оппозицию философии Тютчева – двоемирие «света» и «тьмы». Впоследствии эта оппозиция найдёт своеобразное выражение в творчестве самого Набокова. Во втором номере парижского общественно-политического и литературного журнала «Русские записки» за 1937 г. был впервые напечатан рассказ В.В. Набокова «Облако, озеро, башня» [Набоков, 1990], который создавался после романа «Приглашение на казнь» (1936), во время работы над «Даром» (1937) и задолго до появления «Лолиты» (1955). Нам представляется, что в этом небольшом произведении можно увидеть явные и скрытые переключки с мотивами тютчевской лирики.

Герой рассказа «Облако, озеро, башня», действие которого происходит в тридцатые годы в Германии, выиграл странную увеселительную поездку с компанией наглых пошляков. В вагоне, раскрыв томик Тютчева, который давно собирался перечитать, вместо драматически возвышенного стиха «Мысль изреченная есть ложь» – он читает (видит? произносит про себя?) эпатирующую каламбурную травестию: («Мы слизь. Ре-

² <http://nabokov.gatchina3000.ru/index.htm#translations>

³ Debraille – ниспровергатель устоев (фр.)

ченная есть ложь», – и дивное о румянном восклицании). Вся фраза графически маркирована: заключена в скобки. Тема и объем нашей статьи не позволяют подробно рассмотреть возможные интерпретации этой загадочной разрушенной Набоковым строки, которая, однако, далеко не случайно появляется в тексте рассказа.

Многие исследователи творчества В.В. Набокова обращают внимание только на первую часть этого высказывания, на то, как герой прочитал известную строку под стук колес. Вторая часть фразы – это реминисценция из стихотворения Ф.И. Тютчева «Вчера, в мечтах обворожённых...»: «Румяным громким восклицаньем// Раскрыло шёлк ресниц твоих!» [Набоков, 1990:475]. На эту реминисценцию указал в комментариях к рассказу Олег Дарк. Оба стихотворения – «Silentium!» и «Вчера, в мечтах обворожённых...» – написаны в 1836 г., то есть за сто лет до рассказа «Облако, озеро, башня», и были опубликованы Пушкиным в журнале «Современник» в составе цикла «Стихотворения, присланные из Германии». Является ли случайным совпадением то, что действие рассказа происходит в Германии, где были написаны и стихотворения Тютчева?

Герою не хотелось ехать, но всё-таки он решил, что поездка «принесёт ему вдруг чудное, дрожащее счастье, чем-то схожее и с его детством, и с волнением, возбуждаемым в нём лучшими произведениями русской поэзии...» [Набоков, 1990:420]. Ожидания героя сбылись: открывшийся его взору пейзаж полон поэтического восторга: «Это было чистое, синее озеро с необыкновенным выражением воды. Посередине отражалось полностью большое облако. На той стороне, на холме, густо облепленном древесной зеленью (которая тем поэтичнее, чем темнее), высилась прямо из дактиля в дактиль старинная черная башня» [Набоков, 1990:424].

В стихотворении Ф.И. Тютчева «Memento»⁴ возникает пейзаж, который напоминает набоковский:

Её последние я помню взоры
На этот край – на озеро и горы,
В роскошной славе западных лучей, –
Как сквозь туман болезни многотрудной,

Она порой ловила призрак чудный,
Весь этот мир был так сочувствен ей...

Лирический герой Тютчева, как и герой рассказа Набокова, восторгается величием и красотой природы. Можно предположить, что в рассказе «Облако, озеро, башня» восприятие героем природы – одушевлённой, очеловеченной, сочувствующей – созвучно тютчевскому ощущению окружающего мира как живого существа («мир сочувствен» человеку, весенние воды «бегут и будят сонный брег», весенний гром «резвится и играет»).

Исследователи обращают внимание на связь этого рассказа с романом В.В. Набокова «Приглашение на казнь», о чём свидетельствует автореминисценция: «Я вправе остаться, где желаю. Да ведь это какое-то приглашение на казнь, – будто добавил он, когда его подхватили под руки» [Набоков, 1990:426]. В «Приглашении на казнь» герой осужден за «гносеологическую гнусность», за свою «непроницаемость», а в рассказе «Облако, озеро, башня» участники увеселительной прогулки жестоко расправляются с Василием Ивановичем за его аксиологические принципы, эстетически несовместимые с ценностями толпы.

«Память» – ключевой мотив в художественном мире В.В. Набокова

Как было сказано выше, по признанию писателя, последний английский вариант книги о своей жизни он хотел назвать «Мнемозина, говори», а назвал «*Speak, Memory*». Мнемозина – богиня памяти в греческой мифологии, дочь Урана (Неба) и Геи (Земли), мать девяти муз.

⁴ Помни (лат).

О Мнемозине упоминается и в стихотворении Ф.И. Тютчева «Уrania»:

...Благоволенье судьбины
Текут к нам дщери **Мнемозины**,
Честь, радость и краса народам и векам!..

Отметим, что «Мнемозина» – это ещё и название философско-литературного альманаха начала XIX в., который издавался В.Ф. Одоевским и В.К. Кюхельбекером. Это был печатный орган литературно-философского кружка «Общество любомудрия». Альманах был создан для распространения новых философских идей, возникших в Германии, в том числе популярной в то время философии Шеллинга, знакомство с которой должно было стать основой для создания русской философской культуры.

Для лирики Тютчева «память» тоже значимое понятие. Так, например, «Денисьевский цикл» состоит из лирических ретроспекций, обращений в прошлое:

*Сегодня, друг, пятнадцать лет минуло
С того блаженно-рокового дня,
Как душу всю свою она вдохнула,
Как всю себя перелила в меня.
И вот уж год, без жалоб, без упрёку,
Утратив всё, приветствую судьбу...
Быть до конца так страшно одиноку,
Как буду одинок в своём гробу.*

Вдругом стихотворении из «Денисьевского цикла» («Нет дня, чтобы душа не ныла...») эмоциональные переживания-воспоминания лирического героя очень близки психологическому состоянию главного героя первого романа Набокова «Машенька», Ганина:

Нет дня, чтобы душа не ныла,
Не изнывала б о былом,
Искала слов, не находила,
И сохла, сохла с каждым днем...

Через многие произведения В.В. Набокова проходит мотив «дара»: все его герои делятся на тех, кто наделен творческим даром, и бездарных пошляков. Наиболее глубоко эта тема затронута в романе «Дар» с говорящим названием. Дар, и прежде всего дар творческий, дар вдохновения, становится предметом размышления и в поэзии Тютчева. Так, в стихотворении «Уrania»: лирический ге-

рой рассказывает о том, как он получил от муз «бесценный дар» – вдохновение:

Открылось! – Не мечта ль? Свет новый!
Нова сила
Мой дух восторженный, как пламень,
Облекла!
Кто отроку, мне дал парение орла! –
Се муз бесценный дар – се вдохновенья
крыла!

В стихотворении Ф.И. Тютчева «О чём ты воешь, ветер ночной?» (1836) задолго до появления постмодернистской художественной стратегии – диалога с хаосом – была выражена эта идея:

О, страшных песен сих не пой
Про древний **хаос**, про родимый!
Как жадно мир души ночной
Внимает повести любимой!
Из смертной рвётся он груди,
Он с беспредельным жаждет слиться!..
О, бурь заснувших не буди –
Под ними **хаос** шевелится!..

В монографии «Русский постмодернизм» М.Н. Липовецкий говорит о том, что в конце XX в. была утверждена «новая культурная и научная парадигма <...> основанная на философии диалогического взаимопроникновения хаоса и космоса», но затем добавляет, что в литературном контексте хаос является «одной из наиболее универсальных моделей построения художественного образа мира, восходящей к самым ранним формам художественного сознания» [Липовецкий, 1997: 35].

Как эта идея проявляется в лирике поэта XIX века, описал В.С. Соловьёв в статье «Поэзия Ф.И. Тютчева» (1895). Он открыл существование натурфилософской концепции в лирике поэта. Вера Тютчева в одушевлённость природы, по мнению философа, является основой его поэтической системы. Анализируя стихотворение «День и ночь», В. Соловьёв упоминает о двух началах мирового бытия: светлом («день») и тёмном («ночь»), уточняя, что «поэт одинаково чуток к обеим сторонам действительности» [Соловьёв, 1990:112]. Тютчеву близки обе стороны бытия, и он не забывает о том, что дневной облик окружающего мира есть лишь «златотканый» покров, который не является основой мироздания.

Космология «двух миров» лежит в основе многих произведений Набокова. По мнению А.Ю. Арьева, «метафизика искусства есть метафизика двоемирия – это основная антиномия набоковского творчества» [Арьев, 2001: 170]. Оба мира созданы воображением, но один из них более или менее похож на наш мир, в то время как другой, откровенно фантастичный, является антимиром⁵.

В рассказе «Облако, озеро, башня» существуют два диаметрально противоположных мира: низкий, пошлый, тёмный мир Германии 1930-х годов («ночь») и высокий светлый внутренний поэтический мир Василия Ивановича («день»).

Любимая тютчевская оппозиция Космоса и Хаоса – одна из основных тем его поэзии («День и ночь», 1839).

Но меркнет день – настала ночь;
Пришла – и с мира рокового
Ткань благодатную покрова,
Сорвав, отбрасывает прочь...
И бездна нам обнажена
С своими страхами и мглами,
И нет преград меж ей и нами –
Вот отчего нам ночь страшна!

Иногда Хаос проявляется в «буйном ропоте», сохраняя свою первоначальную сущность. Не только над природой, но и над человеком тяготеет «закон» хаотического начала. Завесу тайной жизни космоса поэт пытается приподнять ночью, когда бледнеют краски дня. В.С. Соловьёв считает идею хаоса определяющей все творчество поэта. Взгляды В.С. Соловьёва разделяли такие исследователи творчества поэта начала XX века, как А.Г. Горнфельд, А. Белый, Ю.И. Айхенвальд, Д.С. Мережковский.

«Хаос Тютчева залегает глубже человеческого и вообще индивидуально-различения добра и зла. Но именно поэтому его нельзя понимать как зло. Он порождает индивидуальное бытие, и он же его уничтожает. Для индивида уничтожение есть страдание и зло. В общем же строе мира, то есть вне человеческой жизни, это ни добро, ни зло», – писал

П.А. Флоренский о космосе Тютчева [Флоренский, 1998:180].

С.Л. Франк в работе «Космическое чувство в поэзии Тютчева» [Франк, 1913] полагает, что Божественное начало, присутствующее в природе, даёт возможность человеку непосредственно почувствовать свет и радость, но лишь познав тьму, индивидуум может созерцать бездну, лежащую между Божественной космической жизнью и человеческой. Это даёт Тютчеву, надежду, возможно призрачную, соединиться с «миром дремлющим». Н.Я. Берковский считал: «Мир для Тютчева никогда и ни в чём не имеет окончательных очертаний» [Берковский, 1987:16].

Модель «двойного бытия» в художественном мире поэта проявляется в мотиве раздвоения и неустойчивости:

О, вещая душа моя!
О, сердце полное тревоги,
О, как ты бьёшься на пороге
Как бы двойного бытия!..

Набокову, как нам представляется, не чужда шеллингианская идея о «происхождении мира из бездны», близкая лирическому герою Тютчева. Интересно отметить, что первая глава автобиографической книги В.В. Набокова «Другие берега» начинается с яркого образа: «Колыбель качается над бездной». Не исключено, что этот образ навеян лирикой Ф.И. Тютчева, например стихотворением «День и ночь»:

На мир таинственный духов,
Над этой **бездной** безымянной,
Покров наброшен златотканый
Высокой волею богов.

<...>

И бездна нам обнажена
С своими страхами и мглами,
И нет преград меж ней и нами –
Вот отчего нам ночь страшна! [Тютчев, 1984, 149]

Разлад человека с миром Тютчев выразил в стихотворении «Певучесть есть в морских волнах...» (1865):

Откуда, как разлад возник?
И отчего же в общем хоре

⁵ <http://nabokov-lit.ru/nabokov/kritika/barton-miry-i-antimiry/literaturnyj-kosmolog.htm>

Душа не то поёт, что море,
И ропщет мыслящий тростник?

Не случайно в это стихотворение столь органично вплетена одна из самых известных паскалевских метафор, что, несомненно, служит явным свидетельством совпадения взглядов французского мыслителя и русского поэта на двойственность природы человека: ограниченность физических сил и беспредельность духовных. В этом стихотворении, по мысли Вячеслава Иванова, «осознание общей правды о наставшем несоответствии между духовным ростом личности и внешними средствами общения: слово перестало быть равносильным содержанию внутреннего опыта» [Вяч. Иванов, 1910:5]

Есть ли возможность снять это роковое противоречие? Тютчев видит выход в «высоком» молчании. Об этом он и пишет в стихотворении «Silentium!»:

Молчи, скрывайся и таи
И чувства и мечты свои –
Пусть в душевной глубине
Встают и заходят оне
Безмолвно, как звезды в ночи, –
Любуйся ими – и молчи.

Можно предположить, что в сюжете рассказа «Облако, озеро, башня» художественно воплощается тютчевская стратегия «молчания» уже не на умозрительно-философском, а на социально-психологическом уровне. Как отмечалось выше, герой рассказа живёт в своём чистом мире поэзии и красоты, любясь своими мечтами. В его душе *«есть целый мир таинственно-волшебных дум»*, он способен видеть неуловимую прелесть всего окружающего: «на западе еще стояло длиннейшее, розовейшее облако, и, пронзая душу, подальше на пути, горел дрожащей звездой фонарь сквозь медленный дым паровоза, и во мраке цыкали сверчки, и откуда-то пахло жасмином и сеном, моя любовь». Его восприятие природы глубоко поэтично: «Синяя сырость оврага. Воспоминание

любви, переодетое лугом. Перистые облака, вроде небесных борзых».

На протяжении роковой поездки, окружённый «мерзкой тьмой», в которой его заставляют веселиться звероподобные чудовища, Василий Иванович смиренно терпит все издевательства и не произносит ни слова. Пока он молчит, скрывая и тая заветные чувства и мечты, он защищён. Как только он произносит вслух первые слова (изрекает мысль), обращаясь к своим попутчикам и доверяя им своё решение не возвращаться, наступает расплата. «Друзья мои, – крикнул он, прибежав снова вниз на прибрежную полянку. – Друзья мои, прощайте! Навсегда остаюсь вон в том доме. Нам с вами больше не по пути. Я дальше не еду. Никуда не еду. Прощайте!».

Василия Ивановича насильно возвращают в поезд, и чернота хаоса поглощает сияние: «увлекаемый, как в дикой сказке по лесной дороге, зажатый, скрученный, Василий Иванович не мог даже обернуться и только чувствовал, как сияние за спиной удаляется <...> и вот уже нет его, и кругом чернеет бездейственно ропщущая чаща». Завершается рассказ описанием изощрённых пыток, которым подвергают героя, – это недвусмысленная аллюзия на распятие, бичевание и заушение Христа. Герой, изрекавший мысль о свободе, становится мучеником.

Таким образом, очевидно, можно сделать вывод о том, что лирика Тютчева в значительной степени повлияла на творчество В.В. Набокова. Оба автора – Набоков и Тютчев – приходят к пониманию окружающей действительности не как стабильного и упорядоченного материального единства, основанного на причинно-следственных связях, тайны которого можно постичь рационально, а как мерцающего, неуловимого «двойного бытия», на пороге которого стоит человек, не в силах разгадать загадку древнего Хаоса.

Список литературы:

Аверин Б.В. Набоков и набоковиана. [Электронный ресурс]. URL: <http://nabokov-lit.ru/nabokov/kritika/averin-nabokov-i-nabokoviana.htm> (дата обращения: 15.02.2019)

Александров В.Е. Набоков и потусторонность: метафизика, этика, эстетика. /Перевод с англ. Н.А. Анастасьева. СПб., Алетейя, 1999. – 320 с.

Арьев А.Ю. Вести из вечности (О смысле литературно-философской позиции В.В. Набокова) в кн.: В.В. Набоков: pro et contra. Том 2. / Сост. Б.В. Аверина, библиогр. С.А. Антонова. – СПб.: РХГИ, 2001. – 1064 с. (Русский путь).

Бартон Д.Д. Миры и антимирy Владимира Набокова. [Электронный ресурс]. URL: <http://nabokov-lit.ru/nabokov/kritika/barton-miry-i-antimiry/literaturnyj-kosmolog.htm> (дата обращения: 15.02.2019)

Бенуа А.Н. Дневник 1916-1918 годов// А.Н. Бенуа – М.: Захаров, 2006. – 768 с. – (Серия «Биографии и мемуары»).

Берковский Н.Я. Ф.И. Тютчев. Полное собрание стихотворений. – Ленинград, 1987 (Библиотека поэта).

Бойд Б. Владимир Набоков: американские годы: Биография/Пер. с англ. – СПб.: Издательство «Симпозиум», 2010. – 950 с.

Грин Х. Мистер Набоков в кн.: В.В. Набоков: pro et contra/ Сост. Б. Аверина, М. Маликовой, А. Долинина; комментарии Е. Белодубровского, Г. Левинтона, М. М. Маликовой, В. Новикова; библиогр. М. Маликовой. СПб: РХГИ, 1997. – 974 с. (Русский путь).

Иванов Вяч. Заветы символизма. «Аполлон», 1910, № 8. – С. 72.

Киршбаум Светлана. Заметка о стихотворениях Ф. И. Тютчева, присланных из Германии. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ruthenia.ru/leibov_50/S_Kirschbaum.pdf (дата обращения: 15.02.2019)

Котов Б.С. Газета «Речь» в дни Июльского кризиса 1914 г.// Вестник МГИМО Университета. – 2014. – №4(37). – 10. [Электронный ресурс]. URL: <https://vestnik.mgimo.ru/jour/article/view/154/154> (дата обращения: 15.02.2019)

Липовецкий М.Н. Русский постмодернизм. (Очерки исторической поэтики): Монография/ Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 1997. – 317 с.

Набоков В.В. Американский период. Собрание сочинений в 5 томах: Пер. с англ./ Сост. С. Ильина, А. Кононова. Комментарий С. Ильина, А. Люксембурга. – СПб.: «Симпозиум», 1999. – 704 стр. (т.5).

Набоков В.В. Интервью Олвину Тоффлеру март 1963//Набоков о Набокове и прочем: Интервью, рецензии, эссе/Сост., предисл., коммент., Н.Г. Мельникова. – М.: Издательство Независимая Газета, 2002. – 704 с. – (Серия эссеистика).

Набоков В.В. Лекции по русской литературе: Пер. с англ. Предисловие Ив. Толстого. – М.: Независимая газета, 1996. – 440 с.

Набоков В.В. Письма к Вере/ Владимир Набоков; статья Б. Бойда; коммент. О. Ворониной и Б. Бойда – М.: Колибри, Азбука-Аттикус, 2019. – 704 с.

Набоков В.В. Собрание сочинений в 4-х томах. М.: Издательство «Правда», 1990. Том.4.

Набоков В.В. Стихотворения и поэмы/ Сост. подгот. текстов и примеч. В.С. Федорова; худож. В. Норамян. – Харьков: Фолио; Москва: ООО «Издательство АСТ», 1997. – 592 с. – (Вершины)

Соловьёв В.С. Поэзия Ф.И. Тютчева. // Соловьёв В.С. Литературная критика. – М.: Современник, 1990, с. 105–121.

Флоренский П.А. Сочинения в 4-х т. Т.4. Письма с Дальнего Востока и Соловков. М., 1998. – 795 с.

Франк С.Л. Космическое чувство в поэзии Тютчева // Русская мысль. – Москва, 1913, кн. XI, с. 1-31.

Об авторах:

Арутюнов Георгий Георгиевич – к.пед.н., доцент кафедры русского языка МГИМО МИД России, секция «Русский язык и литература». Москва. Пр. Вернадского, 76. Научная специ-

ализация: литературоведение, методика преподавания русской литературы, культура речи, русский язык, риторика. E-mail: ruslitmgimo@mail.ru.

Латыева Елена Владимировна – к.филол.н., доцент кафедры русского языка МГИМО МИД России, секция «Русский язык и литература». Москва. Пр. Вернадского, 76. Научная специализация: литературоведение, методика преподавания русской литературы, культура речи, русский язык. E-mail: ruslitmgimo@mail.ru.

Назарова Наталья Евгеньевна – к.филол.н., доцент кафедры русского языка МГИМО МИД России, секция «Русский язык и литература». Москва. Пр. Вернадского, 76. Научная специализация: литературоведение, методика преподавания русской литературы, культура речи, русский язык. E-mail: ruslitmgimo@mail.ru.

VLADIMIR NABOKOV AND F.I. TYUTCHEV: DOUBLE BEING

George G. Arutyunov, Elena V. Latyeva, Natalia E. Nazarova

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Russian Ministry of Foreign Affairs. 119454, Russia, Moscow, Vernadsky Avenue, 76.

Abstracts. *The article attempts to find common ground between the artistic systems divided by a century – the lyrics of the Russian poet and philosopher F. I. Tyutchev and prose of the outstanding Russian-American writer V. V. Nabokov. The first part of the article deals with the ideas of domestic and foreign researchers of the peculiarity of the Nabokov's aesthetic system. Nabokov did not write a special article and did not publish a single lecture on Tyutchev's lyrics, although he repeatedly turned to the work of the poet, in particular, while teaching in America, left excellent translations of his poems into English. The authors of the article show the common perception of life of nature and man for both authors. The inner closeness of Nabokov and Tyutchev is manifested not so much in direct statements as indirectly. This is an acknowledgement of the narrator in the General Ledger, Nabokov's Other shores ("Pushkin and Tolstoy, Tyutchev, Gogol stood at the four corners of my world"); and accented by the intertextuality in the prose of the author with specific Tyutchev's reminiscences, sometimes shocking-pun (short story "Cloud, lake, tower"); and focusing on the motifs of memory, gift, abyss (in Schellingian understanding); and Nabokov's use of the key opposition "dream – chaos", which runs through the entire lyrics of Tyutchev. The second part of the article is devoted to the analysis of Tyutchev's poetry in the light of researches conducted by Russian philosophers and literary critics. The article notes the little-known fact that Nabokov and Tyutchev were related in kinship. You can find out at what point the kinship of the two great masters of the word crossed by reading the article.*

Key words: V. V. Nabokov, F. I. Tyutchev, "chaos", "double being" model, allusions, reminiscences, auto-reminiscences, intertextuality, super-text unity, memory motif, literary game

References:

Averin B.V. *Nabokov i nabokoviana* [Nabokov and Nabokoviana]. Available at: <http://nabokov-lit.ru/nabokov/kritika/averin-nabokov-i-nabokoviana.htm> (accessed 15 February 2019) (In Russian).

Aleksandrov V.E. *Nabokov i potustoronnost': metafizika, jetika, jestetika* [Nabokov and otherworld: metaphysics, ethics, aesthetics] / Translation from English N.A. Anastasieva. Saint-Petersburg, Aletheia, 1999. 320 p. (In Russian).

Ar'ev A.Ju. Vesti iz vechnosti (O smysle literaturno-filosofskoj pozicii V.V. Nabokova) [News from Eternity (On the Meaning of the Literary and Philosophical Position of V. Nabokov)]. *V.V. Nabokov: pro et contra. Volume 2* / Comp. B.V. Averina, bibliogr. S.A. Antonova. Saint-Petersburg: RSHI, 2001, pp. 169-193 (Russian way) (In Russian).

Barton D.D. *Miry i antimiry Vladimira Nabokova* [Worlds and antiworlds of Vladimir Nabokov]. Available at: <http://nabokov-lit.ru/nabokov/kritika/barton-miry-i-antimiry/literaturnyj-kosmolog.htm> (accessed 15 February 2019) (In Russian).

Benua A.N. *Dnevnik 1916-1918 godov* [Diary of 1916-1918]. Moscow, Zakharov, 2006. 768 p. (Series «Biographies and memoirs») (In Russian).

Berkovskij N.Ja. *F.I. Tyutchev. Polnoe sobranie stikhotvorenii* [F.I. Tyutchev. Complete collection of poems]. Leningrad, Soviet writer, 1987, 448 p. (Library of the poet) (In Russian).

Boid B. *Vladimir Nabokov: amerikanskije gody: Biografiia* [Vladimir Nabokov: American years: Biography] / Transl. from English. Saint-Petersburg, Symposium Publishing House, 2010. 950 p. (In Russian)

Grin H. Mister Nabokov [Mr. Nabokov]. *V.V. Nabokov: pro et contra* / Comp. B. Averina, M. Malikova, A. Dolinina; comments by E. Belodubrovsky, G. Levinton, M.M. Malikova, V. Novikov; bibliography M. Malikova. Saint-Petersburg, RSHI, 1997. pp. 202-212 (Russian way) (In Russian).

Ivanov V. Zavety simbolizma [Testaments of Symbolism]. *Apollon - Apollo*, 1910, no. 8, pp. 5-20 (In Russian).

Kirshbaum S. *Zametka o stikhotvoreniiakh F.I. Tyutcheva, prislannyykh iz Germanii* [A note on Tyutchev's poems sent from Germany]. Available at: http://www.ruthenia.ru/leibov_50/S_Kirschbaum.pdf (accessed 15 February 2019) (In Russian).

Kotov B.S. Gazeta «Rech'» v dni liul'skogo krizisa 1914 g. [Newspaper «Rech'» in the days of the July crisis]. *Vestnik MGIMO-Universiteta - Bulletin MGIMO-University*, 2014, no. 4 (37). Available at: <https://vestnik.mgimo.ru/jour/article/view/154/154> (accessed 15 February 2019) (In Russian).

Levinton G.A. The Importance of Being Russian ili [or] Les allusions perdues [The Importance of Being Russian or [or] Les allusions perdues]. *Vladimir Nabokov: Pro et contra. Saint-Petersburg*, 1997. pp. 308-339, note. pp. 914-917 (In Russian).

Lipovetskii M.N. *Russkii postmodernizm. (Ocherki istoricheskoi poetiki): Monografiia*. [Russian postmodernism (Essays on historical poetics): Monograph]. Ekaterinburg, Ural state pedagogical University, 1997. 317 p. (In Russian).

Nabokov V.V. *Amerikanskii period. Sobranie sochinenii v 5 tt. T. 5* [American period. Complete collection of works in 5 volumes. V. 5] / Transl. from English / Comp. S. Ilyin, A. Kononov. Commentary by S. Ilyin, A. Luxembourg. Saint-Petersburg, Symposium, 1999. 704 p. (In Russian).

Nabokov V.V. Interv'iu Olvinu Toffleru mart 1963 [Nabokov V. V. Interview to Alvin Toffler March 1963]. *Nabokov o Nabokove i prochem: Interv'iu, retsenzii, esse* [Nabokov on Nabokov and other: Interviews, reviews, essays] / Comp., foreword, comment. N.G. Melnikova. Moscow: Publishing House The Independent Newspaper, 2002. 704 p. (In Russian).

Nabokov V.V. *Lektsii po russkoi literature* [Lectures on Russian literature] / Tr. from English / Foreword by I. Tolstoy. Moscow, Nezavisimaya Gazeta, 1996. 440 p. (In Russian).

Nabokov V.V. *Pis'ma k Vere* [Letters to Vera] / article by B. Boyd; commentar. O. Voronina and B. Boyd. Moscow, Kolibri, Azbuka-Atticus, 2019. 704 p. (In Russian).

Nabokov V.V. *Sobranie sochinenii v 4-kh tt. T. 4* [Complete collection of works in 4 volumes, V.4]. Moscow, Publishing House «Pravda», 1990. 460 p. (In Russian).

Nabokov V.V. *Stikhotvoreniia i poemy* [Verses and poems] / Comp. preparation. texts and notes. V.S. Fedorov; artist V. Norazyan. Kharkov, Folio; Moscow, AST Publishing House LLC, 1997. 592 p. (In Russian).

Solov'ev V.S. Poeziia F.I. Tyutcheva [Tyutchev's poetry]. *Literaturnaia kritika* [Literary criticism]. Moscow, Sovremennik, 1990. pp. 105-121 (In Russian).

Tiutchev F.I. *Polnoe sobranie stikhotvorenii* [Complete collection of poems]. Leningrad, Soviet writer, 1987. 447 p. (In Russian).

Florenskii P.A. *Sochineniia v 4-kh tt. T.4. Pis'ma s Dal'nego Vostoka i Solovkov* [Letters from the Far East and Solovki]. Moscow, Thought, 1998. 795 p. (In Russian).

Frank S.L. Kosmicheskoe chuvstvo v poezii Tiutcheva [Cosmic feeling in Tyutchev's poetry]. *Russkaia mysl'* [Russian Thought]. Moscow, 1913, b. XI, pp. 1-31 (In Russian).

About the Authors:

George G. Arutyunov – Associate Professor, PhD in Pedagogic Sciences, Associate Professor of Russian Language Department MGIMO. Spheres of scientific interests: Russian Language, Culture of Speech, Rhetoric, History of Russian Literature, methods of teaching Russian Literature.
E-mail: ruslitmgimo@mail.ru.

Elena V. Latyeva – Associate Professor, PhD in Linguistics, Associate Professor at Russian Language and Literature Department MGIMO. Spheres of scientific interests: Russian Language, Culture of Speech, History of Russian Literature, methods of teaching Russian Literature.
E-mail: ruslitmgimo@mail.ru.

Natalia E. Nazarova – Associate Professor, PhD in Linguistics, Associate Professor at Russian Language and Literature Department MGIMO. Spheres of scientific interests: Russian Language, Culture of Speech, History of Russian Literature, methods of teaching Russian Literature.
E-mail: ruslitmgimo@mail.ru.